

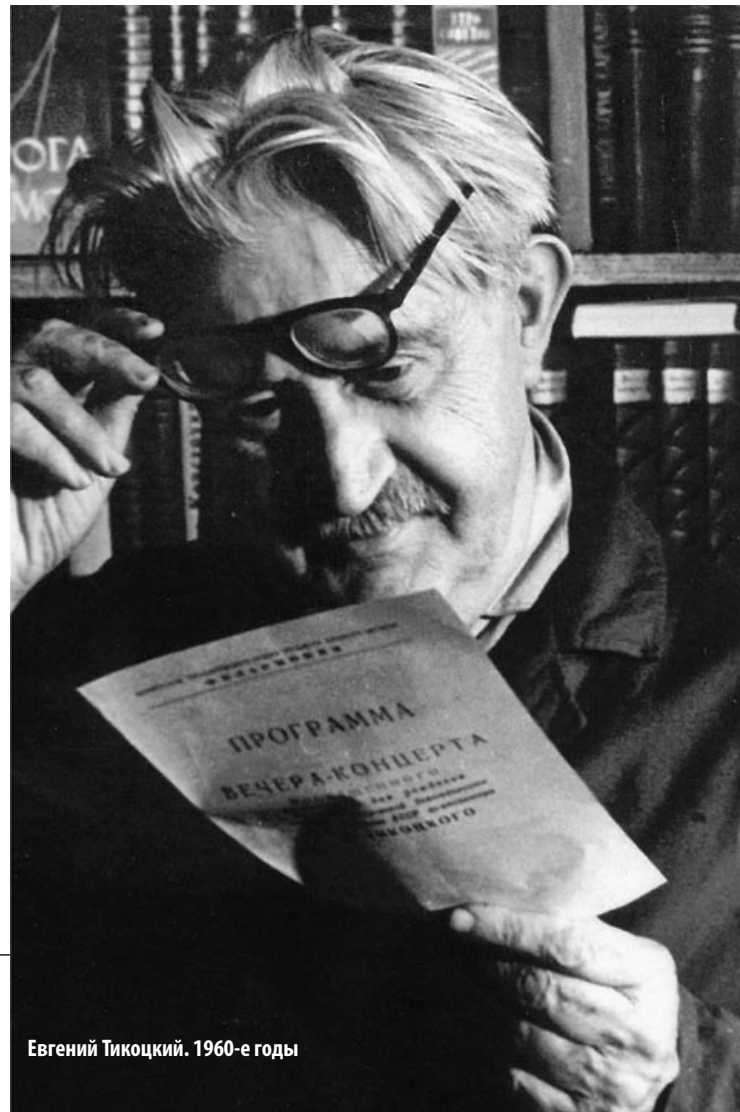
Война и мир Евгения Тикоцкого

Как русский офицер стал зачинателем
белорусской академической музыки

«И чем случайней, тем вернее...» – сказал поэт о стихах, но также и о судьбах, непредсказуемых, как декабрьская погода, как траектория полета чайки над стылými водами Березины. В биографии зачинателя белорусской оперно-симфонической музыки Евгения Карловича Тикоцкого белые пятна, как гигантские бесформенные ледяные поля, дрейфующие по просторам Арктики: не поймешь, где их начало и конец, ни точных дат, ни ясных очертаний.

О себе он писал крайне мало, зато с большой охотой рассуждал об истоках и современном состоянии белорусской музыки, анализировал творчество других. Семь (!) машинописных страниц 69-летний мэтр посвятил разбору произведений 24-летнего Игоря Лученка, отметив, к примеру, что особую роль в его творчестве играет синий цвет. Как музыковед он был на голову выше и прошлых, и нынешних авторов. Особенно в своих рукописных заметках «Полвека белорусской музыки», написанных к 50-летию Великого Октября, но до сих пор, насколько нам известно, не востребованных даже специалистами.

«Вспоминаются первые годы существования совсем иной Белорусской Республики в пору военного коммунизма, – пишет он. – Тогда настоящими центрами художественной жизни – театральной, музыкальной, своеобразными очагами всей культуры вообще были воинские части Западного фронта, расположенные на территории нынешней Белоруссии с их многочисленными красноармейскими клубами, показтеатрами, художественными мастерскими. При политотделах и управлениях полков, дивизий, корпусов, армий здесь сосредотачивались лучшие

Евгений Тикоцкий. 1960-е годы

художественные силы, которые в изобилии направляли тогда Москва, Ленинград и другие культурные центры страны на фронты гражданской войны».

В этом армейском котле варился и сам Тикоцкий, в отличие от многих других, он не удрал в столицы, когда там стало более или менее сытно, а остался там, куда его забросила судьба. Решение не только благородное, но и дальновидное: жизнь его в результате сложилась куда удачнее, чем у Михаила Анцева, Ивана Соллертинского и десятков своих и чужих, кто предпочел побыстрее уехать из «провинциальной» Белоруссии.

Под знаком Марса

Впрочем, у будущего композитора были свои резоны никогда не возвращаться в Питер. Представитель 300-летнего дворянского рода, младший сын контр-адмирала Российского императорского флота Карла-Августа Михайловича и племянник генерал-майора Бернт-Михаил-Аксель-Теодольфа Михайловича Тикоцких (Тихоцких), он вовсе не являл собой образец пролетарского происхождения. Мама его Екатерина Михайловна, дочь генерал-майора Михаила Ивановича Князева, происходила из сановных российских немцев. Юному Евгению ничего другого не оставалось, кроме как пойти по стопам предков.

От мысли о военно-морской карьере он отказался сразу. Нелестная слава контр-адмирала Тикоцкого, закрепившаяся за ним после нелепой гибели в 1897 году в Транзундском заливе броненосца «Гангут», вряд ли вдохновляла сына. В 1899-м Карла Михайловича назначили первым градоначальником заштатного города Николаева, и в этой должности он проявил себя гораздо лучше, чем на море. Всего за три года успел запустить городскую электростанцию, заложить народный сад, открыть четыре бесплатные библиотеки-читальни и основать механико-техническое училище – прообраз будущего кораблестроительного университета.

Отец композитора был прекрасным музыкантом-любителем. Играл на флейте и виолончели. При нем городские музыкальные классы преобразовали в Николаевское музыкальное училище – милость, которую губернский Минск при царе

Карл Михайлович
Тикоцкий,
отец композитора.
1880-е годы

так и не дождался. В честь своего вступления в должность Тикоцкий-старший поручил местному композитору Соломону Зельцеру сочинить «Марш николаевского градоначальства», к счастью, сохранившийся до наших дней.

Несомненно, юный Евгений был свидетелем всех этих увлекательных событий. В октябре 1902 года семья возвратилась в Санкт-Петербург и поселилась

Евгений Тикоцкий (справа) с братом Михаилом. Конец 1890-х годов

в четырехэтажном доходном доме № 39 на 10-й линии Васильевского острова, который на тот момент принадлежал художнику Архипу Куинджи. Здесь до 1899 года жил Павел Александрович Брюллов – не такой знаменитый, как его дядя Карл Брюллов, но вполне известный и достойный художник. Так что будущего композитора окружала вполне художественная атмосфера, но от военной муштры это не уберегло. Отец направил его в Санкт-Петербургское Владимирское пехотное юнкерское училище. Его юнкера единственные, кто 24–25 октября 1917 года оборонял от революционных толп Зимний дворец, а 29 октября в стенах училища разоружили караул и арестовали комиссаров военно-революционного комитета. В ответ большевики подвезли трехдюймовые орудия из Петропавловской крепости и прямой наводкой расстреляли училище. Погибло около 200 человек, еще 71 пострадал от самосудов.

К счастью, Евгений Тикоцкий в это время был далеко. Дополнением к высочайшему повелению от 1 июня 1915 года он по окончании Владимирского военного училища был произведен в прапорщики «с зачислением по армейской пехоте», как написано в архивном документе о его образовании. Служил в лейб-гвардии Финляндского полка. В мирные дни это элитное подразделение блистало на парадах, а в Первую мировую войну прикрывало самый опасный участок фронта. Тикоцкий сразу угодил в мясорубку Люблин-Холмского сражения. С боями полк отступал к Нарочи, в жерло Свенцянского прорыва, где врага удалось остановить. Тикоцкого произвели в подпоручики 25 мая 1916 года, а буквально через несколько дней гвардию кинули в Брусиловский прорыв. Полегли тысячи воинов. Он сам, тяжело раненый, не оставил поля боя. Удостоился ли тогда Георгиевского креста, как его старший брат Михаил, отважный артиллерист, командовавший затем красноармейской батареей и погибший в 1919 году под Саратовом? Этого мы не знаем: архивы молчат.

Приказом Комиссариата по военным делам Петроградской трудовой коммуны в мае 1918 года лейб-гвардии Финляндский полк был расформирован, и большинство офицеров примкнуло к Донской армии под командованием генерала Краснова. Среди них был и Тикоцкий. В последние дни

жизни он признался в этом композитору Дмитрию Романовичу Каминскому, а его падчерица Зинаида Гимпелевич рассказала нам.

Почему будущий композитор позже решил перейти на сторону большевиков? Быть может, его ясный ум видел истину и не хотел мириться с предательством белой верхушки, кормившейся с рук у немцев и поднявшей оружие против собственного народа. Возможно, повлиял выбор старшего брата, отдавшего жизнь за коммунистическую идею.

Летом 1919 года Тикоцкий в рядах Красной армии, и уже осенью в составе 8-й стрелковой дивизии РККА под командованием храброго серба Боривоя Веселиновича Агатоновича участвует в наступлении на Бобруйск. Война с белополяками шла с переменным успехом. Бобруйск переходил из рук в руки. Лишь 10 июля 1920 года город освободили. По свидетельству современников, он представлял собой жалкое зрелище: почти все предприятия, школы и многие дома были разрушены.

Дивизию расквартировали в Бобруйске, и 27-летний Тикоцкий наконец-то обрел дом и семью. Здесь, в городе на Березине, 20 февраля 1922 года родился его старший сын Михаил (он героически сражался на фронте в годы Великой Отечественной войны, а в мирные дни стал известным педагогом и ученым-языковедом, заложившим основы белорусской стилистики).

Так сегодня выглядит дом в Бобруйске, где квартировала семья Тикоцких в 1920-х годах

Впрочем, тогда еще было беспокойно: бандитские вылазки в соседнем Игуменском уезде то и дело угрожали Бобруйску. Порох приходилось держать сухим. Тем не менее мирная жизнь налаживалась.

По главной улице с оркестром

В 1924 году Тикоцкий демобилизовался, но военную форму не снял. На фотографии с Исааком Любаном в конце 1930-х годов оба в гимнастерках, хоть наверняка могли себе позволить гражданские костюмы. А в Бобруйске мужчина в пиджаке тогда и вовсе выглядел «буржуем». Впрочем, в годы НЭПа их с каждым днем становилось все больше и больше, особняки на Муравьевской росли как грибы. Тикоцкий же квартировал в скромном домике (бобруйчане до сих пор спорят, в каком именно) и вплоть до открытия музыкальной преподавал в обычной школе музыку и пение. А вечерами подрабатывал тапером в кинотеатре «Гигант», изумляя публику бравурными импровизациями.

И вот вопрос: учился ли Тикоцкий музыке или получил лишь домашнее музыкальное образование?

Увы, ответа нет. Сам композитор вспоминал, что посещал музыкальную школу Бонч-Бруевич. Потомственная дворянка, свободный художник Зинаида Николаевна Бонч-Бруевич действительно минимум с 1917 года обитала в доходном доме Балабина напротив Гостиного двора, бок о бок с императорской публичной библиотекой. Но именно ее школа? Никаких документальных подтверждений этому нет.

Впрочем, большинство русских композиторов XIX века музыкального образования не имели. Глинка и Римский-Корсаков стали учиться, будучи уже маститыми авторами опер.

Возможно, Тикоцкий не начал бы сочинять, если бы жизнь не заставила выбрать музыку своей профессией, – живущий в нем несомненный талант требовал самовыражения. Еще в 1920 году он положил на музыку горьковскую «Песню о Буревестнике». Не мелочась, писал сразу для баса и симфонического оркестра. Эту героическую поэму исполняли и в Бобруйске, и в Минске до марта 1936 года, когда на страницах «Звезды» анонимный критик

В этом здании в начале XX века находился кинотеатр «Гигант», где Тикоцкий подрабатывал тапером

походя упрекнул композитора в «непонимании Горького».

Тикоцкий не спорил. Он переработал свой «Буревестник» так, что на протяжении многих лет без него не обходилось ни одно официальное торжество. Композитор всем сердцем принял коммунистическую идею. Он активный общественник. Тикоцкого выбирают заместителем председателя Бобруйского окружного комитета работников искусства, а затем и депутатом горсовета.

«Внимание демонстрантов привлекла грузовая машина с пианино и группой детей с музыкальными инструментами».

Ему удастся убедить городские власти открыть музыкальную школу, которая уже больше полстолетия носит его имя. Под классы выделили две комнатки на улице Ольховской (ныне Чонгарская). «Тады я ўпершыню прыйшоў на работу ў толькі што арганізаваную музычную школу, – вспоминал 30 лет спустя в газете „Літаратура і мастацтва“ тогдашний заведующий струнным отделением Г. Каплан. – Памяшканне, у якім яна размяшчалася, было зусім непадыходзячым для музычных заняткаў, але мы былі рады і гэтаму. Толькі праз некалькі год школа атрымала памяшканне, у якім знаходзіцца і зараз. Цяжка было

нам першы час. Не хапала кваліфікаваных кадрў, інструментаў, нот, але наш невялікі калектыў, кіруемы таленавітым музыкантам Я.К. Цікоцкім, імкнуўся добра падрыхтаваць вучняў для паступлення ў сярэднія музычныя навучальныя ўстановы».

Официально Евгений Карлович никогда не был директором школы. Он лишь скромный завуч, преподаватель фортепиано и музыкально-теоретических дисциплин. Но именно Тикоцкий был душой коллектива. Известный композитор Владимир Оловников, выпускник школы тех времен, писал в своих воспоминаниях: «На первомайском параде 1928 года в Бобруйске внимание демонстрантов привлекла грузовая машина с пианино и группой детей с музыкальными инструментами. За пианино сидел, приветливо улыбаясь, Е. Тикоцкий и играл, одновременно дирижируя детьми». Эти записи хранятся в Детской школе искусств № 1 имени Е.К. Тикоцкого г. Бобруйска – так называется теперь учебное заведение, в котором преподавал выдающийся композитор. Их с гордостью, как и многие другие документы, продемонстрировали нам удивительные, увлеченные музыкой люди: директор Дмитрий Снарский и преподаватель музыкально-теоретических дисциплин Эльвира Куценко.

О чем же поведали эти бесхитростные бумаги? В том числе о том, что, переехав в Минск, Тикоцкий продолжал поддерживать бобруйчан. В апреле

На входе в Детскую школу искусств № 1 имени Е.К. Тикоцкого сохранилась дверь, в которую каждое утро с 1927 по 1934 год входил Тикоцкий. На фото: преподаватель Эльвира Куценко

1941 года через отдел учебных заведений и музотдел Управления по делам искусств при СНК БССР он приглашает учителей и их талантливых учеников на фестиваль, который состоялся 13–14 мая в Минском политехническом институте. От каждой школы по правилам допускалось не более пяти человек, но стараниями Евгения Карловича для бобруйских детей сделали исключение.

«Откровенно говоря, Вы нас поставили перед неразрешимым вопросом, хотя программа у вас намечается интересная, – пишет директору школы Розе Халаминской начальник отдела учебных заведений Вайнгауз. – Разрешаем Вам привезти 9 человек (один пианист, а не два), но предупреждаем, что будет очень трудно с квартирами». В итоге в Минск отправились 15 детей и шесть педагогов во главе с Халаминской.

Тикоцкий заботился о своем детище и после войны. Регулярно приезжал то сам, то с композитором Григорием Пукстом, народной артисткой СССР Ларисой Александровской... Он навсегда остался в сердце Бобруйска, хотя и прожил здесь не более 14 лет.

Ставка больше, чем жизнь

Газета «Звезда» 5 октября 1928 года напечатала заметку, достойную того, чтобы процитировать ее целиком: «Новая беларуская сымфонія. 1-га кастрычніка ў памяшканьні музтэхнікуму быў заслуханы новы музычны твор «Беларуская сымфонія», напісаная т. Цікоцкім, прыехаўшым з Бабруйска. Твор быў заслуханы ў прысутнасці выкладчыкаў музтэхнікуму, музычных тэарэтыкаў, студэнтаў музтэхнікуму і іншых культурных працаўнікоў. У гэтым творы аўтар перадае ў гуках барацьбу на Беларусі з белапаякамі і магутнасьць сучаснага будаўніцтва. Агульны характар музыкі – пераможна-радасны. Уражаньне на слухачоў сымфонія зрабіла вельмі добрае. Пасьля выкананьня твору крытыкі прыйшлі да перакананьня, што твор зьяўляецца каштоўнай музычнай рэччу, якая заслугоўвае ўвагі. Твор рыхтуецца да выкананьня аркестрам».

В том же году Тикоцкий написал первую белорусскую комическую оперу – «Тарас на Парнасе». Удалось ли ему поставить ее в Бобруйске, мы не

Здание Бобруйской музыкальной школы № 1. 1950-е годы

Евгений Тикоцкий с учениками этой школы. 1960-е годы

знаем. Зато сочиненную им в 1931-м музыкальную комедию «Миллион Антониев, или Кухня святости» режиссер Виктор Головчинер и дирижер Николай Клаус с большим успехом воплотили на сцене Белорусского рабочего театра Центрального совета профсоюзов, квартировавшего в ту пору в городе на Березине.

В 1932 году Михась Лыньков уговорил Тикоцкого вступить в секцию композиторов при новообразованном Союзе писателей БССР. Вскоре ее преобразовали в самостоятельный творческий союз, и Евгений Карлович стал одним из его зачинателей. Его, наконец, приглашают в Минск композитором в радиокомитет. Пишет музыку для исполнения в эфире, его имя становится известным. Но лишь в 1936 году Тикоцкому выпал случай доказать свое право на почетное место в белорусской культуре.

Государственный театр оперы и балета Белорусской ССР пригласил композиторов поучаствовать в конкурсе на сочинение национальных опер. К 20-й годовщине Октября планировалось открыть новое здание театра на Троицкой горе. Ожидался приезд Сталина, и яркая белорусская премьера была необходима как воздух.

Готовые либретто распределили между членами композиторского союза, но дело шло со скрипом.

Как, впрочем, и строительство театра, растянувшееся в итоге до марта 1939 года. «В Белоруссии профессиональных либреттистов нет, – жаловались композиторы в коллективном письме в „Советскую Белоруссию“. – Наши поэты и драматурги, в силу новизны и специфики этого сложного дела, нуждаются в серьезной помощи и консультации серьезных специалистов этой области из других братских республик».

«Справляйтесь сами», – примерно так ответили им в ЦК КП(б)Б. Сроки поджимали, из десятка творцов с ответственным заданием справились лишь трое: Анатолий Богатырев, Алексей Туренков и Евгений Тикоцкий. Рассмотрев представленные партитуры, руководство театра признало оперу «Михась Падгорны» на либретто Петруся Бровки наиболее приемлемой. Премьерой этой оперы Евгения Тикоцкого в постановке режиссера Льва Литвинова и дирижера Марка Шнейдермана 10 марта 1939 года открыли здание Большого театра БССР. Это знаковое событие почтил своим вниманием Иосиф Сталин, а вместе с ним целая бригада известных московских критиков. Один из них, Виталий Городинский, в своей рецензии отметил, что опера Тикоцкого «не вызвала особого энтузиазма». Казалось бы, столь неоднозначная оценка могла обескуражить ком-

Опера «Міхась Падгорны» произвела фурор на декаде белорусского искусства в Москве. На фото: Е. Тикоцкий, актеры И. Муромцев, Л. Александровская, С. Друкер, дирижер Н. Балазовский, актеры И. Болотин, А. Николаева М. Денисов, Я. Алексеева, Р. Млодек. Июнь 1940 года

позитора, но нет. Через год Большому театру предстояло участие в декаде белорусского искусства в Москве, и Евгений Карлович увлеченно трудится и над партитурой, и над либретто.

Сцена из оперы «Міхась Падгорны».
Михась – Василий Лапин, Марыся –
Лариса Александровская. Март 1939 года

Успех обновленного «Міхася Падгорнага» превзошел все ожидания. По оценке того же Городинского, опера в том варианте, в каком ее услышал московский зритель, «должна быть признана выдающимся достижением белорусского оперного искусства и значительным фактом в жизни всего музыкального театра». Она произвела большое впечатление и на руководство страны, а Лариса Александровская – исполнительница партии Марыси – удостоилась звания народной артистки СССР.

Впереди для Тикоцкого маячили соблазнительные перспективы, но год спустя все карты смешала война. По официальной версии, за три дня до нее Тикоцкий выехал в Крым для работы над ненаписанным балетом «Бэла». При известии о нападении Гитлера на СССР пытался вернуться в Минск, где оставалась семья, но доехал эшеленом лишь до Орши, откуда эвакуировался в Уфу. По другим данным, композитор вместе с Большим театром БССР находился в эвакуации в Горьком.

«Композитор Тикоцкий вместе с поэтом Бровка при участии коллектива театра работают над созданием новой оперы „Алеся“, посвященной героической борьбе белорусского народа с немецко-фашистскими оккупантами, – читаем в заметке ТАСС от 15 октября 1942 года, напечатанной в газете „Вечерняя Москва“. – Темой для сюжета

Сцена из оперы «Дзяўчына з Палесся».
Хор Большого театра БССР. 1955 год

оперы послужил один из ярких эпизодов борьбы партизанского отряда, возглавляемого героической дочерью белорусского народа». Над «Алесею» Тикоцкий продолжает работать и в Москве, куда прибывает в июле 1943 года по вызову председателя Союза советских композиторов БССР Анатолия Богатырева. Его сосед по гостинице «Метрополь», прославленный белорусский скульптор Заир Азгур, много лет спустя вспоминал, как композитор, шаркая шлепанцами, пробирался к пианино даже ночью. А днем, «откидывая кверху тронутые сединой волосы, склонялся к нотной бумаге и записывал стремительными, как маленькие ласточки, знаками то, что только что нашел в хаосе звуков. И опять принимался шагать из угла в угол. Изредка садился за музыкальный инструмент и осторожными пальцами как бы снимал с клавиш какую-нибудь музыкальную фразу. Я слышал музыку то полную трагических чувств, то ликующую и победную...».

Но даже запойная работа не могла отвлечь от мыслей о семье, и Тикоцкий обратился за помощью к начальнику Центрального штаба партизанского движения Пантелеймону Пономаренко. По воспоминаниям сына композитора, в 1943 году в их минской квартире на улице Цнянской «появилась молодая женщина Аня Язубчик. Поначалу мы ей не очень-то доверяли, боялись провокации оккупантов. Но постепенно Аня все больше вхо-

дила в доверие и наконец призналась, что она партизанская связная, ей поручено вывести нашу семью в лес. Это удалось осуществить летом 1943 года. Вскоре с партизанского аэродрома мы вылетели на „Дугласе“ в Москву, и хотя по пути немцы обстреляли наш самолет, добрались туда благополучно».

К счастью, война приближалась к завершению. В конце сентября 1944 года Большой театр БССР возвращается на родину, вместе с ним едет и Тикоцкий. «Минска нет. Развалины... Коллектив оперы размещается в закулисной части театра, – вспоминала Лариса Помпеевна Александровская. – Света нет. Тепла нет. Воды нет. Но наверху, на пятом этаже, в балетном зале идут репетиции. В окно выведена труба „буржуйки“, отапливаемой бумагами. Зажжены самодельные „плошки“ – одна на пюпитре у концертмейстера, другая – у стола режиссера. Певцы, закутанные во что попало, хриплыми голосами творят оперу „Алеся“. Евгений Карлович Тикоцкий – на всех репетициях с нами. Что-то ему не нравится, чего-то не хватает. Идут горячие, взволнованные споры. Порой, не договорившись, расходимся. И тут же спешим на встречу – с новыми мыслями, с новыми предложениями».

«Должна быть признана выдающимся достижением белорусского оперного искусства».

Премьера «Алеси» состоялась 24 декабря в Окружном доме офицеров. Это был первый спектакль Большого театра в освобожденном Минске.

У «Алеси» счастливая и вместе с тем трудная судьба: пять редакций на протяжении 22 лет, четыре режиссера (Борис Покровский, Борис Мордвинов, Лариса Александровская, Дмитрий Смолич), пять дирижеров (Марк Шнейдерман, Оскар Брон, Владимир Пирадов, Лев Любимов, Газиз Дугашев) и два названия. В четвертой редакции опера называлась «Дзяўчына з Палесся». Именно ее показывали в 1955 году на Второй декаде белорусского искусства в Москве. И за нее композитор был удостоен звания народного артиста СССР.

Последняя (1967 года) редакция год спустя отмечена Государственной премией БССР, но только музыка, не спектакль.

В 1944–1951 годах Тикоцкий – художественный руководитель Белорусской филармонии. Его стараниями в Доме офицеров и в клубе имени Дзержинского выступают именитые солисты, расцветает симфонический оркестр, внедряется абонементная система продажи билетов. Появилось концертно-лекционное бюро, которое и поныне, пусть под другим названием, работает на всю страну.

С 1950 по 1963 год Тикоцкий возглавляет композиторскую организацию БССР, и его 13 лет не зря считают золотыми в истории творческого объединения. При Тикоцком союз обрел свой дом на площади Свободы и концертную площадку, где звучала новая музыка. Ряды организации пополнились большим отрядом одаренной молодежи: Евгений Глебов, Сергей Кортес, Дмитрий Смольский, Игорь Лученок в каком-то смысле «дети Тикоцкого», хоть и не все они его ученики.

«Осторожными пальцами как бы снимал с клавиш какую-нибудь музыкальную фразу».

Без «корочек» об образовании основоположник белорусской академической музыки не имел права преподавать ни в консерватории, ни в музыкальном училище, но всю душу вкладывал в работу с детьми. Его ученица Зинаида Гимпелевич вспоминает, как он вел сольфеджио в Центральной музыкальной школе: «Никогда не сердился на нас, бездельников, немного обижался, как-то по-детски, но потом обращался к роялю и играл. Кто хотел, тот слушал. Сейчас вспоминаю и стыдно за себя и одноклассников». Одним из первых в Беларуси Евгений Карлович начал заниматься с малышами композицией. Вместе с Григорием Пукстом шефствовал над музыкальной школой № 2 при автозаводе, где у него также были ученики.

И продолжал писать. Новая опера, к работе над которой Тикоцкий приступил ранней весной

В Детской школе искусств № 1 имени Е.К. Тикоцкого ребята осваивают разные музыкальные инструменты

1969-го, за год до своей кончины, называлась «Зарянка, или Анна Громова». Увы, композитору не суждено было ее окончить, и никто его перо не подхватил.

Вместо эпилога

В Минске есть улица Евгения Тикоцкого, но музыка его звучит все реже – даже в бобруйской школе искусств его имени. Играют разве что знаменитую польку из «Алеси» в переложении цимбалиста Николая Шмелькина. А какое огромное счастье, когда пианист Андрей Киранов исполняет его сонату-симфонию – одно из лучших фортепианных произведений.

Верим, музыка Тикоцкого однажды вернется. Вот главная мысль в его 130-й день рождения. Вернется, когда перестанем считать традиционализм грехом, которого следует стыдиться. Когда сюжеты о партизанах вновь будут признаны пригодными для оперы, и это уже происходит. Когда мелодия снова будет называться душой музыки, а гармония – ее эмоцией. Такое время обязательно настанет. А ноты, они ждут своего часа в архиве.

Юлия АНДРЕЕВА
Фото Александра АНТАШКЕВИЧА,
из архива Большого театра Беларуси
и открытых источников